

Рец. на кн.: RAF DE BONT. *NATURE'S DIPLOMATS: SCIENCE, INTERNATIONALISM, AND PRESERVATION, 1920–1960.*

Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2021. 373 p.

Анастасия Алексеевна Федотова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН
5/2 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия

f.anastasia.spb@gmail.com

Аннотация: Книга профессора Маастрихтского университета Рафа де Бонта «Дипломаты природы: наука, интернационализм и охрана природы, 1920–1960» (2021) анализирует долгосрочное значение идей, сформулированных в первой половине XX в., для международного природоохранного движения. Как убедительно доказывает автор, натуралисты начала столетия и созданные с их участием общественные организации по охране природы оказали решающее влияние на теорию и практику международного движения по охране природы на всем протяжении XX в., и это влияние заметно даже сейчас, в первые десятилетия XXI в. Однако «международность» ранних организаций по охране природы была довольно ограниченной, социальный состав далек от инклюзивности, а «научная обоснованность» как главная основа для принятия решений далеко не всегда самоочевидна и идеологически беспристрастна. Наиболее влиятельными фигурами в этих организациях были представители земельной аристократии и высшей буржуазии крупных городов Северо-Западной Европы и восточного побережья США, имевшие интересы и образование в сфере естественной истории.

Ключевые слова: охрана природы, интернационализм, XX век, натуралисты, социальные связи.

Для ссылки: Федотова А. Рец. на кн.: Raf de Bont. *Nature's Diplomats: Science, Internationalism, and Preservation, 1920–1960.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2021. 373 p. // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 329–338.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-329-338

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/058/fedotova.pdf>

A Review of RAF DE BONT, *NATURE'S DIPLOMATS: SCIENCE, INTERNATIONALISM, AND PRESERVATION, 1920–1960.*

Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2021, 373 pp.

Anastasia Fedotova

St Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences

5/2 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia

f.anastasia.spb@gmail.com

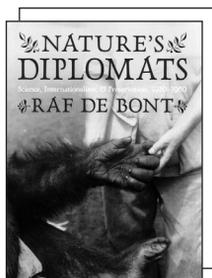
Abstract: “*Nature's Diplomats: Science, Internationalism, and Preservation, 1920–1960*” (2021) by Raf de Bont, professor at the University of Maastricht, analyzes the long-term influence of ideas formulated in the first half of the 20th century for the international movement for nature conservation. As the author proves, the early 20th century naturalists and the nongovernmental organizations that they created exercised a decisive influence on the theory and practice of the international movement for nature protection throughout the 20th century. This influence is still noticeable in the early decades of the 21st century. The book shows that the “internationalism” of early organizations for nature conservation was rather limited, the social composition was far from inclusive, and the “scientific approach” was not as self-evident and ideologically neutral as we tend to think. The most influential figures in the international nature conservation were aristocratic landowners and the upper middle classes from leading urban centers of North-Western Europe and the east coast of the United States who had been trained and actively engaged in natural history.

Keywords: nature conservation, internationalism, 20th century, naturalists, networks.

To cite: Fedotova A., ‘A Review of Raf de Bont, *Nature's Diplomats: Science, Internationalism, and Preservation, 1920–1960.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2021, 373 pp.’, *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 58, pp. 329–338.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-329-338

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/058/fedotova.pdf>

Рец. на кн.: **Raf de Bont. *Nature's Diplomats: Science, Internationalism, and Preservation, 1920–1960.*** Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2021. 373 p.

Книга профессора Маастрихтского университета Рафа де Бонта «Дипломаты природы: наука, интернационализм и охрана природы, 1920–1960» (2021) анализирует долгосрочное значение идей, сформулированных в первой половине XX в., для международного природоохранного движения. Как убедительно доказывает автор, натуралисты начала столетия и созданные с их участием общественные организации по охране природы оказали решающее влияние на теорию и практику международного движения по охране природы на всем протяжении XX в., и это влияние заметно даже сейчас, в первые десятилетия XXI в. Однако «международность» ранних организаций по охране природы была довольно ограниченной, социальный состав далек от инклюзивности, а «научная обоснованность» как главная основа для принятия решений далеко не всегда самоочевидна и идеологически беспристрастна. Наиболее влиятельными фигурами в этих организациях были представители земельной аристократии и высшей буржуазии крупных городов Северо-Западной Европы и восточного побережья США, имевшие интересы и образование в сфере естественной истории.

Ключевые слова: охрана природы, интернационализм, XX век, натуралисты, социальные связи.

Книга профессора Маастрихтского университета Рафа де Бонта «Дипломаты природы: наука, интернационализм и охрана природы, 1920–1960» посвящена истории международной защиты дикой природы¹. В последние годы это направление исследований постоянно расширяется, охватывая все новые регионы, эпизоды и акторов. Однако большинство работ о международном природоохранном движении сосредоточены на второй половине XX в., так как именно к этому времени относятся самые заметные институциональные новшества: были созданы Международный союз охраны природы (1948), Всемирный фонд дикой природы (1961), опубликованы первые Красные книги (1963), начато составление списка всемирного наследия ЮНЕСКО (1977) и т.д. Инициативы начала XX в., например такие, как первая международная конференция по охране природы в Берне в 1913 г., упоминаются в них лишь мельком, чтобы, ничего или

Анастасия Алексеевна Федотова
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники РАН,
Санкт-Петербург, Россия
f.anastasia.spb@gmail.com

¹ В современных англоязычных публикациях как равноправные понятия употребляются nature / wild life protection, conservation или preservation.

почти ничего не сказав о 1920-х и 1930-х гг., перейти к послевоенному периоду. Своей книгой Раф де Бонт закрывает важную лакуну. «Дипломаты природы» начинается с обсуждения идей рубежа XIX–XX столетий о том, что охрана природы основывается на естественно-научной экспертизе и международном сотрудничестве. Книга фокусируется на основанных в 1920-х гг. первых обществах защиты природы, в названии которых появилось слово «международные», и доходит до больших преобразований начала 1960-х.

Де Бонт ставит задачу показать влияние натуралистов первой половины XX в. (а точнее, созданных ими сравнительно небольших общественных организаций) на теорию и практику международного движения по охране дикой природы второй половины XX и даже начала XXI столетия. Именно люди этого поколения надолго установили стандарты того, какая именно «дикая природа» достойна защиты, как должна быть организована эта защита и кто обладает экспертизой, нужной для принятия решений. Они разработали кодексы поведения и сформировали публичный образ защитника природы — политически беспристрастного натуралиста с международной научной репутацией (да-да, несколько раз напоминает нам автор, вообще-то мы опять говорим главным образом про еще одну кучку *white dead males*). И хотя в среде самих специалистов по охране природы в первые десятилетия XXI в. эти стандарты претерпели существенное изменение в сторону большего разнообразия¹, они до сих пор не оставлены полностью, а значительная часть широкой публики все еще ориентируется на эту уже сильно устаревшую традицию.

Как заявляет автор во вводной главе, его подход базируется на двух ревизионистских направлениях историографии, не связанных напрямую с историей охраны природы. Первое, все более заметное с 1990-х гг., делает акцент на необходимости переосмысления истории интернационализма и интернациональности в целом. Оно было вдохновлено более масштабным «транснациональным поворотом» (*transnational turn*) в гуманитарных дисциплинах. Второе направление связано с историей науки, которая с 1970-х гг. ставит под вопрос преобладавшие ранее представления об эпистемологическом универсализме, убеждению, что наука по определению трансцендентальна и эпистемологически интернациональна.

¹ Сегодняшний специалист по охране природы, как правило, хорошо понимает, что его объектом в следующем проекте вместо «девственного» векового леса может оказаться заброшенный индустриальный комплекс (самым очевидным примером этого является Чернобыльский радиационно-экологический биосферный заповедник), а непосредственной коллегой — выпускница кафедры антропологии и недавняя эмигрантка из страны «третьего мира», и возможно даже (о ужас!) феминистка, анархистка и веганка.

То, что природоохранное движение должно базироваться на идеалах международного сотрудничества и на научной экспертизе, кажется самоочевидным: разрешение экологических проблем на основе научных данных и с привлечением международных экспертов — это вроде бы общепризнанный и рациональный подход. Однако, как считает автор книги, критическая история «международной» и «научно обоснованной» охраны природы показывает, что самоочевидность этого подхода мнимая. Далеко не все ранние природоохранные инициативы были интернациональными, напротив, многие из них были глубоко связаны с идеями империи, нации и малой родины. Более того, защитники природы часто следовали своим политическим, эстетическим и духовным предпочтениям и идеалам, а не логике науки, которая, как казалось еще сравнительно недавно, должна быть объективна и иммунна к сиюминутным экономическим и политическим влияниям. Кроме того, далеко не самоочевидно, что именно означает выражение «научный» или «международный» подход: эти термины можно понимать в разном объеме¹. Такие категории, как «наука» и «международное сообщество», кажутся инклюзивными и нейтральными, но на практике их могут использовать небольшие объединения с весьма избирательным членством для достижения поставленных ими целей².

В частности, Раф де Бонт показывает, что международность ранних организаций по охране природы очень относительна: они далеко не были глобальными, особенно в смысле расположения центров принятия решений. Эти общества объединяли представителей лишь небольшого числа стран, в первую очередь США и государств Западной Европы (многие из которых имели заморские колонии), т.е. фактически, а часто и юридически речь идет о принятии решений в столицах колониальных империй. Хотя многие лидеры природоохранного движения и заявляли о своей политической беспристрастности, эта беспристрастность имела свои пределы, и они не были очень уж широкими. К примеру, в международных природоохранных обществах 1920–1930-х гг. мы не встретим советских представителей³, и разумеется, при восстановлении работы этих орга-

¹ Простейший пример — это разница в значении слов наука, science и Wissenschaft и их соотношение с гуманитарными дисциплинами.

² И в XIX, и в XX в. природоохранные инициативы нередко шли вразрез с интересами и правами местных жителей, в том числе коренных народов. Это началось уже при создании первых национальных парков в Америке и первых (соболиных) заповедников в России. Один из таких сюжетов де Бонт обсуждает в пятой главе, посвященной Национальному парку Альберта (Вирунга) в Конго.

³ Отсутствие советских представителей в международных организациях межвоенного периода особенно заметно и объясняется только политическими причинами. В отличие от многих стран «второго» и «третьего» мира, в Советском Союзе система государственных и общественных организаций по охране природы была достаточно разветвленной уже в 1920-х гг., а некоторые из российских теоретиков охраны природы (к примеру, Г.А. Кожевников или А.П. Семенов-

низаций в послевоенные годы в них не могли войти те, кто запятнал себя связями с нацистами. Хотелось бы понять, до какой степени эта сильно ограниченная международность соотносилась с балансом сил в мировой политике по состоянию на 1920-е и 1930-е гг., но для этого нам нужно больше знать о природоохранных инициативах и организациях за пределами «стран Запада» (т.е. западной и центральной Европы, а также Северной Америки).

Как подробно объясняет Раф де Бонт, эти ранние организации не были инклюзивными и в социальном отношении. Наиболее влиятельные фигуры в них — представители высшей буржуазии и аристократии. В интеллектуальном отношении большинство героев книги имели интересы и образование в сфере естественной истории: автор повествует как о видных профессионалах, связанных с естественно-научными музеями или зоопарками, так и о любителях, настолько богатых, что некоторые из них имели огромные зоологические коллекции и даже зверинцы¹.

Социальное происхождение и интеллектуальные интересы участников, по мнению де Бонта, существенно влияли на направленность работы этих организаций, в частности на то, что именно виделось заслуживающим охраны, и на те методы, которые предлагалось для этого использовать. В первую очередь достойными защиты считались ландшафты, которые представляли собой противоположность тому, что окружало западных натуралистов-буржуа в их повседневной жизни. Будучи жителями больших городов, они ценили идиллические дикие местности — совсем без людей или населенные небольшими «естественными» популяциями охотников и собирателей (последние могли считаться частью природного ландшафта, но только до тех пор, пока придерживались «первобытного» образа жизни²). Объектами защиты первые природоохранные общества выбирали млекопитающих и птиц, ведь они, особенно их редкие виды, — это традиционные объекты охоты и коллекционирования. Логично предположить, что охотники-спортсмены и коллекционеры старались защитить редкие виды животных хотя бы для того, чтобы обеспечить своим увлечениям будущее.

Тян-Шанский) принимали участие в международных инициативах начала XX в. Однако если тот же Семенов-Тян-Шанский и сохранил связи с европейскими энтомологами в межвоенный период, то его контакты по вопросам охраны природы с западными коллегами существенно сократились (СПбФ АРАН. Ф. 722).

¹ Одним из таких состоятельных натуралистов был французский орнитолог Жан Делакур (Jean Delacour, 1890–1985), который на унаследованные им деньги основал в начале XX в. частный зоопарк в Пикардии, а в межвоенный период создал другой частный зоопарк в Нормандии.

² О патерналистском отношении идеологов охраны девственной природы к «первобытным» племенам см. пятую главу рецензируемой книги.

Историку биологии особенно любопытен фокус природоохранного движения на так называемых *знаковых видах* (*iconic species* — даже сегодня это, как правило, крупные позвоночные) в сочетании с тезисом «право решающего голоса в вопросах охраны природы должно принадлежать ученым». При явном акценте международных природоохранных инициатив первой половины XX в. на охране мегафауны, лишь сравнительно немногие *профессиональные* зоологи того времени специализировались на крупных млекопитающих и птицах. Наиболее ярким примером из числа отечественных зоологов может служить Г.А. Кожевников (1866–1933). Именно он первым из отечественных ученых последовательно настаивал на том, что заповедники нужны прежде всего для научных исследований, что контроль за ними должен принадлежать натуралистам и что внутри особо охраняемых территорий не должно быть никакого вмешательства в жизнь природы, в том числе не должно происходить обычного для охотничьих заказников истребления хищников или подкормки диких копытных. Между тем собственно исследовательские интересы Кожевникова никак не были связаны ни с хищниками, ни с копытными, ни с крупными позвоночными в целом. Основные его работы посвящены биологии пчелы. Не отвергая полностью аргументации Рафа де Бонта, я не вижу обязательной причинно-следственной связи между научными интересами зоологов и их деятельностью в природоохранных движениях.

Две первые главы рецензируемой монографии — «Традиции “отцов-основателей”»: охрана природы на рубеже XIX и XX в.» и «Записная книжка ван Тинховена: джентльмены-эксперты и их связи» — вводят читателя в проблематику. Обе посвящены людям, создававшим теоретические основания международной охраны природы. В основном это и были те самые белые богатые мужчины — хорошо образованные, имеющие свободное время и политические связи (часто неформальные) и использующие эти неформальные связи для своих по большей части вполне благородных целей. Чтобы показать это на конкретном примере, автор анализирует социальные связи Питера ван Тинховена — видного деятеля международной охраны природы, сына премьер-министра Нидерландов Гейсберта ван Тинховена, используя как основной источник его личный архив. В этих первых главах де Бонт говорит о ключевых для эпохи предметах охраны, выявленных и закрепленных в этом статусе еще до начала Первой мировой войны: «девственных» ландшафтах¹,

¹ В конце XIX — начале XX в. природоохранное движение делало акцент на охране «памятников природы» в первоначальном значении этого выражения, т.е. единственных в своем роде, ценных в научном и эстетическом отношении природных комплексов (пример такого рода — первый

крупной дичи (преимущественно в колониях) и перелетных птицах.

Главы с третьей по пятую организованы как кейс-стади и посвящены природоохранным инициативам интербеллума, которые в той или иной форме активны до сих пор и сосредоточены на трех принципиально разных объектах: миграциях перелетных птиц, вымирающем виде мегафауны и исключительном ландшафте. Международный совет по охране птиц (International Council for Bird Preservation, ныне BirdLife International) был создан в 1922 г. для охраны перелетных птиц и изучения их миграций. Целью Международного общества по охране зубра (Internationale Gesellschaft zur Erhaltung des Wisents), учрежденного в том же 1922 г., было сохранение крупнейшего европейского млекопитающего, истребленного в дикой природе, но сохранившегося в зоопарках и в охотничьих угодьях. Наконец, Национальный парк Альберта (сегодня — Национальный парк Вирунга, Конго), который обсуждается в пятой главе, создавался не только как эталон девственных тропических лесов и последнее убежище горной гориллы, но и как международная исследовательская лаборатория под открытым небом.

Третья глава «Мы с тобой одной стаи: международное законодательство и миграции птиц» обсуждает деятельность международных обществ по охране птиц, созданных в 1920-е и 1930-е гг. — нескольких европейских и североамериканских небольших организаций (сегодня мы назвали бы их НКО), чья история до сих пор была плохо изучена. Хотя работу Международного совета по охране птиц (в частности, над новой редакцией Конвенции по защите птиц, полезных для сельского хозяйства¹) вряд ли можно считать очень успешной, Раф де Бонт привлекает внимание к важному смещению акцентов в деле защиты птиц, которое было достигнуто в межвоенные годы. Если во второй половине XIX — начале XX в. обсуждалась прежде всего охрана насекомоядных птиц, считавшихся полезными для сельского и лесного хозяйства, то позднее в список заслуживающих охраны были включены и многие пернатые хищники, истребляющие грызунов. В сферу внимания защитников природы вошли также водоплавающие птицы как объекты промысловой и спортивной охоты, а с ними — и водноболотные угодья.

в мире национальный парк Йеллоустон). Позднее это понятие было расширено за счет комплексов, которые можно считать эталонными для той или иной природной зоны.

¹ Convention pour la protection des oiseaux utiles à l'agriculture, Paris, 1902. Новый документ — Convention internationale sur la protection des oiseaux — был подписан только в 1950 г., ратифицирован четырьмя европейскими странами в 1953 г. и вступил в силу с января 1963 г. для 13 стран Европы.

Четвертая глава «Зуброводство: между зоопарком и первобытным лесом» рассказывает о деятельности Международного общества по охране зубра. Де Бонт обсуждает политические амбиции прусских и польских териологов, связанные с сохранением этого вида, идеи о поддержании «чистоты крови» или, наоборот, о необходимости «освежения крови» зубра, об опасности его вырождения из-за близкородственного скрещивания, что перекликалось с популярной в те годы евгеникой и расовой серологией. Как для польских, так и для германских любителей природы и охоты возвращение зубра в центральноевропейские леса было связано с национальными мифами. В книге помещено фото одного из памятников, романтизирующих и отчасти демонизирующих это травоядное (в сущности, крупную корову). Скульптура под названием «Древнегерманская охота на зубра» (Altgermanische Wisentjagd), созданная Фрицем Шапером и установленная в Берлине в 1904 г., изображает мускулистого германского охотника, чуть ли не голыми руками побеждающего зубра с преувеличенно массивной передней частью тела¹.

Обсуждая пятую главу «Национальный парк как лаборатория: интернационализм в сердце Африки», один из рецензентов монографии упрекает автора в том, что последний уделяет мало внимания колониальному контексту создания парка [Pennington 2023]. Позволю себе не согласиться: колониального контекста в главе приведено достаточно, и этот контекст весьма неприглядно характеризует антропологические взгляды тех, кто создавал парк и руководил им в первые десятилетия. Так, местные племена охотников и собирателей в их глазах были еще одним объектом охраны, впрочем, имеющим не больше прав, чем их соседи — горные гориллы. Мне как историку науки в этой главе не хватает другого, а именно сведений, что же за научные исследования проводились в парке. Эта лакуна особенно заметна на фоне повторяющихся заявлений автора о том, что парк Альберта создавался в первую очередь как огромная исследовательская лаборатория, а не как развлечение для туристов.

Две заключительные главы, шестая и седьмая, посвящены послевоенным событиям. И опять читателю трудно не заметить зияющее отсутствие представителей стран «второго» и «третьего» мира в «аполитичных» политических играх и протоколах принятия решений об охране природы в глобальном масштабе.

¹ В отношении самого раннего из памятников зубру в который раз в западной литературе повторена неточность: в книге место установки этого памятника обозначено загадочным словом "Zwierzyniec" (Р. 117). Фактически же это место первой охоты Романовых в Беловежской пуще в 1860 г., а памятник был установлен в честь этого события в 1862 г. В начале 1860-х гг. там был устроен охотничий зверинец (огороженная территория леса в несколько сот гектар, где жили зубры, олени и некоторые другие копытные), а с 1920-х гг. на этом месте располагается Центр разведения зубров (Ośrodek Hodowli Żubrów).

Мне импонирует, как эту весьма ограниченную инклюзивность подчеркивает автор, используя в своем повествовании выражение “non-self-governing territories” — стыдливый эвфемизм, используемый ООН в первые послевоенные годы для обозначения колоний.

В шестой главе «Новые институты, старые сети» автор обсуждает восстановление международных связей после Второй мировой войны и показывает, как много интриг возникло вокруг природоохранных инициатив и организаций, лидеры которых громко заявляли о своей политической беспристрастности. По мнению де Бонта, это было не столько новое начало, предвещающее экологическую революцию 1970-х гг., сколько восстановление старых обществ и связей, что вновь подчеркивает важность сети личных отношений внутри закрытого мужского клуба. Впрочем, возобновление международной работы природоохранных организаций (в том числе научной) происходило в ту эпоху на изменившихся основаниях, зачастую в условиях возросшей бюрократизации и формализации, которые закрывали одни двери, но открывали другие. К примеру, если организация имела в названии слово «международный», то каждое признанное государство получало право на представительство в ней (с уплатой взносов).

Седьмая глава «Человек против природы: глобальная экология и ее неоднозначность» освещает произошедшие изменения на примере проектов Международного союза охраны природы (МСОП, IUCN) в 1940-х и 1950-х гг. Многие идеологи природоохранного движения считали, что общий зонтик и престиж экологии как научной дисциплины придаст согласованность программам МСОП. Тем не менее, когда в 1950-х гг. МСОП наконец запустил свои природоохранные проекты, выяснилось, что «экология» — это очень большой шатер¹. На Ближнем Востоке экологи МСОП были вовлечены в утилитарные программы, направленные на то, чтобы «заставить пустыню цвести», изменяя местные аридные экосистемы в более удобную для человека сторону. В Западной Европе специалисты МСОП занялись сохранением исторических ландшафтов, таких как вересковые и другие пустоши, статус которых изменился от «бросовых земель» до «ценных полуестественных сообществ». Наконец, в странах Африки к югу от Сахары природоохранная деятельность была направлена на сохранение «нетронутой» дикой природы, которая, как тогда считалось, еще не подверглась антропогенному влиянию. Несмотря на, казалось бы,

¹ Как историку науки мне всегда импонировала идея, что экология — это не столько отдельная дисциплина, сколько подход в науках о жизни: мы можем исследовать живые объекты либо с эволюционной, либо с экологической точки зрения.

универсалистскую риторику, экологическая программа МСОП на деле стала основанием для достаточно различных подходов.

В эпилоге де Бонт подытоживает долгосрочное влияние идей, сформулированных натуралистами — теоретиками охраны природы в первой половине XX в., на международное природоохранное движение в целом. Глобальное движение по охране природы экспоненциально росло после 1960 г. Именно тогда происходила его существенная институциональная, географическая и социальная диверсификация, наряду с явными изменениями в публичной риторике. Несмотря на все это, в идеях, практиках, выборе объектов и методов охраны природы сохранялась (и сохраняется) значительная преемственность с довоенными подходами. Также по сей день сохраняются многие из конфликтов и напряженностей, заложенные еще в 1950–1960-е гг., что приводит к повторению одних и тех же дискуссий. Хотя «зубры» консервационизма начала XX в. давно сошли со сцены, многие из их идей и подходов все еще с нами. Деятельность пионеров международной защиты природы оставила неизгладимый след, заметный и сегодня в разделяемых природоохранным движением идеалах, в не вполне надежных компромиссах и острых разногласиях. Большинство крупных (международных и национальных) природоохранных организаций по-прежнему декларируют, что роль решающего голоса во всех спорных моментах должна отдаваться именно естественно-научной экспертизе.

Мне кажется довольно важным, что в книге практически нет «историй успеха», хотя нет и явных «историй провалов», зато видно, что идеалы «научности» и «международности» так и остались идеалами. Движение за охрану природы не смогло их реализовать в полной мере, но (как мне кажется) оно не собирается от них отказываться. В этом отношении, наверное, уместен афоризм про демократию (или старость) — имеющиеся альтернативы еще хуже.

Список сокращений

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Библиография

Pennington C. Book review. Raf de Bont, *Nature's Diplomats: Science, Internationalism, and Preservation, 1920–1960* // *Environment and History*. 2023. Vol. 29. No 2. P. 309–310. doi: 10.3197/096734023X16788762163641.

Анастасия Федотова

A Review of Raf de Bont, *Nature's Diplomats: Science, Internationalism, and Preservation, 1920–1960*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2021, 373 pp.

Anastasia Fedotova

St Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences
5/2 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
f.anastasia.spb@gmail.com

“Nature’s Diplomats: Science, Internationalism, and Preservation, 1920–1960” (2021) by Raf de Bont, professor at the University of Maastricht, analyzes the long-term influence of ideas formulated in the first half of the 20th century for the international movement for nature conservation. As the author proves, the early 20th century naturalists and the nongovernmental organizations that they created exercised a decisive influence on the theory and practice of the international movement for nature protection throughout the 20th century. This influence is still noticeable in the early decades of the 21st century. The book shows that the “internationalism” of early organizations for nature conservation was rather limited, the social composition was far from inclusive, and the “scientific approach” was not as self-evident and ideologically neutral as we tend to think. The most influential figures in the international nature conservation were aristocratic landowners and the upper middle classes from leading urban centers of North-Western Europe and the east coast of the United States who had been trained and actively engaged in natural history.

Keywords: nature conservation, internationalism, 20th century, naturalists, networks.

References

Pennington C., ‘Book review. Raf de Bont, *Nature’s Diplomats: Science, Internationalism, and Preservation, 1920–1960*’, *Environment and History*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 309–310. doi: 10.3197/096734023X16788762163641.